

**ОТРАЖЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ДРАМАТУРГИИ РУССКОГО КЛАССИЦИЗМА
В «ЛЕЙТЕНАНТСКОЙ ПРОЗЕ»**

© Л. М. Мингажева

*Бакирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Россия, Республика Башкортостан, 450025 г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а.*

Тел.: +7 (347) 272 58 05.

Email: liliya02071984@mail.ru

Человек на войне – это неизменная тема большинства писателей – фронтовиков. Талха Гиниятуллин, Юрий Бондарев, Евгений Носов, Вячеслав Кондратьев, В. Астафьев, Б. Васильев и другие создали произведения о войне, о рядовых солдатах и командирах, добившихся победы. Произведения этих писателей относятся к так называемой «лейтенантской прозе», которая внимательно исследует человека, столкнувшегося с суровыми военными буднями и сумевшего противопоставить им силу своего мужества и стойкость. Произведения «лейтенантской прозы» объединяет схожесть героев, молодых людей, оказавшихся на войне практически сразу после школы, воспринимающих и оценивающих фронтовую действительность с долей юношеского максимализма. Гипотеза нашего исследования: основными чертами «лейтенантской прозы» являются ограниченное время, место, действие и количество действующих лиц, что схоже с принципами драматургии русского классицизма. Мы рассмотрели произведения «лейтенантской прозы», в т.ч. и военные повести Анатолия Генатулина «Атака», «Страх», «Две недели», «Вот кончится война» именно с точки зрения максимальной концентрации действия и правила «трех единств». Целью данной статьи является анализ произведений «лейтенантской прозы», включая цикл военных повестей Анатолия Генатулина с точки зрения особенностей поэтики данных повестей как произведений, написанных по принципам драматургии русского классицизма.

Ключевые слова: *Анатолий Генатулин, Талха Гиниятуллин, «лейтенантская проза», принципы классицизма.*

А. Бочаров в книге «Человек и война» акцентирует внимание на концентрации действия произведений авторов «лейтенантской прозы»: «Все повести отличались максимальной концентрацией действия: один бой, одно подразделение, один плацдарм, одна нравственная ситуация. Такой узкий – прожекторный – луч позволяет резче, контрастнее высветлить драматичные переживания человека, психологическую правду его поведения в условиях достоверно показанного фронтового быта. История духовного становления героев была как бы вынесена за рамки повестей» [3, с. 405–406].

Таким образом, можно сказать, что основными чертами «лейтенантской прозы» являются ограниченное время, место и количество действующих лиц и единство действия, что напоминает принципы драматургии русского классицизма.

В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» написано следующее: «Три единства» («единство времени», «единство места», «единство действия») – условное обозначение трех правил, определяющих организацию художественного времени, художественного пространства и событий в драматургии. «Т. Е.» были обязательным принципом в эпоху классицизма. «Единство времени» – правило максимального приближения времени, изображенного в трагедии или в комедии, к длительности ее постановки; категорически не допускалось, чтобы время, изображаемое в пьесе, превышало сутки. «Единство места» подразумевало,

что место, в котором происходят события пьесы, не должно меняться; сценическая площадка должна изображать всегда какое-то одно пространство. Полным исполнением правил считалось, если действие происходит в одних покоях, категорически не допускалось, если действие переходило из дома в дом, из дома на улицу. «Единство действия» – правило, согласно которому в пьесе должно изображаться только одно событие. «Единство действия» и ограниченный объем драматического произведения выдвинуты как драматургические правила Аристотелем. «Единство времени» (не более 24 часов) было впервые предложено как обязательное драматургическое правило итальянскими комментаторами Аристотеля Р. и В. Маджи в сочинении «Общепринятые пояснения к книге Аристотеля о поэтике» (1530); это правило поддержал в Италии Л. Кастельветро в трактате «Поэтика» Аристотеля, написанном на народном языке и истолкованном (1570) и Ф. Буоналиччи в «Рассуждении в защиту Аристотеля перед флорентийской академией» (1597). Итальянские теоретики апеллировали к авторитету Аристотеля, считая, что проясняют идеи, содержащиеся в его «Поэтике». Принципы, выдвинутые итальянскими теоретиками театра, развиты в сочинении Жана де Ла Тайя «Об искусстве трагедии» (1572). В окончательном виде правила «Т. Е.» формируются во Франции в 1630-е в сочинениях Жана Шаплена, в частности, в «Обосновании правила двадцати четырех часов и опровержении воз-

ражений» (1630), в предисловии Ж. Мере к изданию пьесы «Сильванира» (1631), в дискуссии о трагедии П. Корнеля «Сид» (1673), в написанном Корнелем «Рассуждении о трех единствах – действии, времени и места» (1660). Правилам «Т. Е.» следовали французские драматурги XVII в.: трагики Корнель и Жан Расин и комедиограф Ж. Б. Мольер. В окончательном виде правила «Т. Е.» сформулированы в трактате Никола Буало «Поэтическое искусство» (1674). В течение XVII – первой половины XVIII в. «Т. Е.» становятся обязательными правилами европейской драматургии. В Германии их поддержал И. Х. Готшед в трактате «Теоретическая поэтика» (1730). В России А. П. Сумароков создал подражание трактату Буало – «Епистола о стихотворстве» (1747), в которой также признал обязательность «Т. Е.». Следуя этим правилам, он переработал в 1748 трагедию У. Шекспира «Гамлет» (1601), в которой принцип трех единств не соблюдался. В основе «Т. Е.» лежало рационалистическое представление о правдоподобии, основанное на представлении о тождестве сценического пространства с пространством, изображаемым в пьесе, а времени действия – со временем постановки. «Единство действия» диктовалось классицистической эстетикой, выше всего ценившей гармонию и стройность в искусстве. Теоретики «Т. Е.» полемически отталкивались от традиций народного театра и театра барокко, допускавшего высокую степень условности (так, в театре барокко на одной сцене было несколько площадок, изображающих разные места действия). В то же время правила «Т. Е.» приводили к росту условности в группировке событий и персонажей, в предельном уплотнении действия. Принцип «Т. Е.» дожил в европейском искусстве до конца XVIII – начала XIX в. Предромантическая и романтическая литература отвергла его как условный и противоречащий правдоподобию. В Германии одним из первых случаев демонстративного нарушения «Т. Е.» была историческая хроника И. В. Гете «Гец фон Берлихинген» (1773), написанная в подражание Шекспиру. Во Франции и России «Т. Е.» просуществовали до 1820–30-х гг. Одной из первых русских пьес, пренебрегающих «Т. Е.», была драма А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1824–25) гг. [12, с. 1094–1095].

Авторы «лейтенантской прозы», как и драматурги эпохи русского классицизма, в своих произведениях указывают конкретное время и пространство, а также по ходу повествования знакомят читателя с определенным кругом лиц.

Например, Б. Васильев в повести «В списках не значился» говорит о своем герое на определенном этапе его жизни – с июня 1941 по апрель 1942 гг. В начале повести автор пишет: «Было начало июня, и ночи в училище пахли сиренью, которую никому не разрешалось ломать» [5, с. 8]. А в первую же ночь после прибытия Плужникова по назначению – в Брестскую крепость – начинается

война: «Тяжко вздрагивал каземат, все вокруг выло и стонало, и было 22 июня 1941 г., четыре часа пятнадцать минут по московскому времени ...» [5, с. 53]. О том, что наступил 1942-ой, мы узнаем перед смертью старшины Семишного: «В первый день нового, 1942 г. ему особенно повезло. То ли немцы с новогоднего похмелья утратили осторожность, то ли прибыли новые, не приученные еще остерегаться черных бездонных дыр мертвой крепости, а только он уложил двоих, уложил наповал, из хорошего убежища» [5, с. 212–213]. В финале повести Плужников вновь встречается с Рувимом Свицким, присланным немцами в качестве переводчика, и от него узнает, что на дворе двенадцатое апреля, а также перед смертью главного героя мы читаем следующее: «Страшно, в голос, как по покойнику, закричали, завывали бабы. Одна за другой они падали на колени в холодную *апрельскую* грязь. Рыдая, протягивали руки и кланялись до земли ему, последнему защитнику так и не покрившейся крепости» [5, с. 220]. Основным местом действия в повести является Брестская крепость, а главный герой Николай Плужников – это ее последний защитник: «Крепость не пала. Крепость не пала: она просто истекла кровью. Я – последняя ее капля ...» [5, с. 219]. Наряду с главным героем, Б. Васильев рассказывает нам о Мирре, тете Христе, пограничнике Володе Денишке, везучем Сальникове, захваченном в плен Прижнюке, о старшине Степане Матвеевиче, старшем сержанте Федорчуке, красноармейце Волкове, еврее Рувиме Свицком.

В Богомолов в своей повести «Зося» тоже указывает на конкретное место действия: «... остатки нашего мотострелкового батальона оказались в небольшой и ничем, наверное, не примечательной польской деревушке Новы Двур» [2, с. 42]. Герои повести в этой деревушке проводят три дня: «Наступление продолжалось, фронту требовались подкрепления, где-то там, наверху, очевидно, в Ставке, перерешили, и потому полтора – два месяца предполагаемого отдыха обернулись для нас всего лишь тремя днями» [2, с. 72]. Наряду с главными героями – советским лейтенантом и польской девушкой Зосей – писатель нас знакомит и дает краткие описательные характеристики следующим: друг лейтенанта Виктор Байков предстает перед нашими глазами как «веселый и, как всегда, полный энергии и жажды деятельности» [2, с. 50], его ординарец Семенов – «ушлый, редкой смелости, однако бесцеремонный боец» [2, с. 48], пани Юлии – «седоволосая, лет сорока пяти женщина, с моложавым, добрым лицом и припухлыми усталыми глазами» [2, с. 50], а о поляке Стефане мы узнаем, что «многие годы он служил солдатом в царской армии, воевал еще с японцами, в Маньчжурии, а спустя десять лет – и с немцами, где-то в Галиции» [2, с. 51–52].

События в повести В. Кондратьева «Сашка» разворачиваются весной: «На передовой, казалось,

нет уже народа у страны, вроде побило всех за одиннадцать месяцев войны» [11, с. 162]. В эпилоге повести В. Кондратьев пишет: «Всем воевавшим подо Ржевом – живым и мертвым – посвящена эта повесть». О главном герое Сашке говорится, что «вдосыть набедовался Сашка под этими ржевскими деревеньками, которые брали, брали, да так и не смогли взять» [11, с. 157]. Во время боя Сашку ранит, и он отправляется в госпиталь, а оттуда уже домой, через Москву. Со многими хорошими людьми встречается Сашка по дороге, и со всеми навсегда он расстается. Например, с одним из своих попутчиков – Жорой, который немного раздражал его: «Сашку раздражал он малость и своим смехом не к месту, и восклицаниями бесконечными «красота». Все у него красота: к ручью вышли – красота, на поляну какую – красота, лес вдали засинел – тоже красота! Но как узнал, что из города он, наборщик типографский, и землю-то родную только по воскресеньям видел, да не по каждому, стал понимать его вроде» [11, с. 192]. И после его нелепой смерти Сашке «не хватает Жориных выкриков по поводу и без повода» [11, с. 205], ведь за то время, которое они провели вместе, Сашка успел к нему очень привязаться. Со вторым попутчиком – лейтенантом Володькой – Сашке приходится расстаться перед отъездом в Москву: «После обеда ... собрал Сашка нехитрые свои пожитки и тронулся в путь-дорогу. Лейтенант Володька, конечно, пошел проводить его до станции. Шли молча ... какие слова, когда навек расставаться приходится. Вот так на войне ... Потому и дороги встречи с хорошими людьми, потому и горьки так расставания – навсегда же! Если и живыми останутся, то все равно вряд ли сведет их опять судьба, а жаль ... Лейтенант губы кривил, покашливал всю дорогу, глаза протирал ... Нервишки у него совсем разошлись от более постоянных, да и с Сашкой, видать, расставаться не хочется ... Вот и станция близко. Остановились они. Целоваться, конечно, не стали – мужчины же, – но приобняли друг друга здоровыми руками, похлопали по спинам и ... разошлись. Опять обездомел Сашка ...» [11, с. 228]. Жора, Володька, Сашка и его любимая девушка Зина находятся в центре повествования, кроме них, мы знакомимся с немцем, взятым в плен Сашкой, и ротным, который «бывало, перед тем как приказать что-нибудь, хлопал Сашку по плечу и говорил: «Надо, Сашок. Понимаешь, надо», и Сашка понимал – надо, и делал все, что приказано, как следует» [11, с. 138].

В центре повествования повести Э. Казакевича «Звезда» судьба группы разведчиков, отправленных на опасное задание: «Травкин еще и еще раз всматривался в лица товарищей. Это были уже не подчиненные, а товарищи, от каждого из них зависела жизнь всех остальных, и он, командир, ощущал их уже не чужими, отличными от него людьми, а частями своего собственного тела. Если на Земле

он мог предоставить им право жить своей отдельной жизнью, иметь свои слабости, то здесь, на этой одинокой Звезде, они и он составляли единое целое. Травкин был доволен собой – собой, увеличенным в семь раз» [10, с. 63]. Среди этих семерых розовощекий, с льняными волосами Бражников, круглолицый, веснушчатый Быков, семнадцатилетний мальчик Юра Голубовский, которого все звали «Голубь», новичок Семенов, «эта громадина» Аниканов, Мамочкин «с его несдержанностью бузотера и неврастеника», и их командир – «замкнутый, юный и немножко непонятный» лейтенант Травкин. Сообщение Травкина о тайном сосредоточении эсэсовской танковой дивизии «Викинг», задача которой было «неожиданным ударом деблокировать окруженный русскими город Ковель, расчленив русских на изолированные группы и, уничтожая их, отбросить на рубеж двух знаменитых рек – Стоход и Стырь» [10, с. 77], было воспринято как событие особой важности. И во многом благодаря работе этой группы разведчиков, в финале повести мы узнаем, что «летом 1944 г. войска, сметая сопротивление слабеющей немецкой армии, проходили по польской земле» [10, с. 92].

В повести В. Быкова «Дожить до рассвета» рассказывается о судьбе Ивановского и его подопечных, отправленных на поиски и уничтожение военной базы противника: это «трудяга – пехотинец» Лукашов, молодой парень – подрывник Судник, взятый из стрелков боец Хакимов, «сорокалетний дядька» Шелудяк, «важный, красивый» Краснокуцкий, молчаливый Заяц, молодой артиллерист Пивоваров, «длинноногий, худой и нескладный» старшина Дюбин. Главному герою Ивановскому отведено две ночи и день между ними, а все содержание повести сводится к преодолению препятствий на пути к базе немцев.

В повести К. Воробьева «Убиты под Москвой» название места, где разворачивается действие, вынесено в само название, а временной промежуток составляет пять ноябрьских дней: «... рота согласно приняла к раздетой ноябрем земле ...» [6, с. 79], Алексей «ни о чем отчетливо не думал, потому что им владело одновременно несколько чувств, одинаково равных по силе, – оторопелое удивление перед тем, чему он был свидетелем в эти пять дней, и тайная радость тому, что остался жив ...» [6, с. 154]. К. Воробьев в своем произведении ограничивается зарисовками самого Алексея Ястребова, капитана Рюмина, политрука роты Анисимова, которого курсанты называли «мифическое значение», лейтенанта Гуляева, остальные же действующие лица не названы ни по имени, ни по фамилии.

В повести Г. Бакланова «Навеки – девятнадцатилетние» история лейтенанта Третьякова начинается осенью 1943 г., а заканчивается весной 1944 г.: «В великом весеннем наступлении 1944 г., развернувшимся на юге Украины, немецкий контрудар в

районе Апостолово ничего уже не мог изменить – ни хода войны, ни хода истории» [1, с. 161]. До участия в боях в районе Апостолово Третьяков пролежал в госпитале, куда попал после сражения за станцию Яснево. После госпиталя он возвращается в свой взвод: «Так же всеми своими белыми зубами на смуглом лице улыбался Насруллаев. Так же добровольно исполнял Кытин должность кухарки. Только Обухова, самого молодого во взводе, было не узнать ..., он чего-то возмужал, даже бас у него прорезался ... Но Повысенко не было в полку, под самый Новый год его ранило. И все вспоминали Повысенко: вот был комбат! Он и не приказывал, скажет только, а выполняли бегом» [1, с. 150]. Среди подчиненных Третьякова нам запоминаются статный, красивый помкомвзвода Паравян, а также Джежелашвили, «светлый мальчик, морковный румянец во всю щеку, глаза рыжеватые, глядит весело» [1, с. 24]. В госпитале мы видим соседей Третьякова по палате: слепой капитан Ройзман, капитан с орденом Красного Знамени Атраковский, командир роты Старых, контуженный младший лейтенант Гоша, красивый и высокий капитан Китенев.

В. Некрасов, как и К. Воробьев, в название своей повести «В окопах Сталинграда» вынес основное место действия, конкретнее – столкновения на склонах Мамаева кургана, который был для В. Некрасова зоной пожизненного притяжения. Главный герой – Юрий Керженцев – в ходе повествования вспоминает об отступлении наших войск, о котором мы узнаем в начале повести: «Полтора месяца тому назад мы сидели с Игорем на корявой колоде у дороги, смотрели, как отступали наши войска. Фронта не было. Были дороги, по которым ехали куда-то машины. И люди шли. Тоже куда-то ... Это было полтора месяца тому назад – в июле» [15, с. 103]. Следовательно, события, о которых рассказываются в повести, начинаются летом 1942 г., а заканчиваются зимой 1943 г.: «Чумак что-то говорит. Я не слушаю его... Он сует мне прямо в лицо грязный обрывок немецкой газеты.

– Что за мура?

– Да ты прочти.

Буквы прыгают перед глазами, непривычные, готические. Дегенеративная физиономия Гитлера – поджатые губы, тяжелые веки, громадный идиотский козырек.

«Фелькишер беобахтер». Речь фюрера в Мюнхене 9 ноября 1942 г.

Почти три месяца тому назад [15, с. 26].

В повести действует, собственно, малое число героев: лопухий Валега, с которым Керженцев – хоть на край света; косолапый Карнаухов, который несмотря на дикую усталость, не пойдет спать, а будет рисовать схему своей обороны или победит проверять, принесли ли старшины ужин; комроты Фарбер, рассеянно – безразличный, которого не может раскусить Керженцев; коренастый Лисагор с

умными глазами с хитрецей; командир разведки бесстрашный Чумак; любознательный Седых с курносой детской физиономией; в прошлом дипломант художественного института Игорь; разжалованный начальник штаба полка; комбат Ширяев, которого в полку называют Кузьма Крючков.

Для цикла военных повестей Анатолия Генатулина также характерно пространственные и временные ограничения, даже название одной из повестей – «Две недели» – это подтверждает, в которой определено и количество действующих лиц: контуженная девушка Полина, соседи по палате и трудовой коллектив госпиталя. Повесть «Атака» начинается так: «На Карельском перешейке стояли белые ночи ...» [7, с. 5], а заканчивается словами Толи Гайнуллина: «Сколько времени мы в бою, сутки или двое суток, я не помню ...» [7, с. 72]. В повести «Страх» из уст главного героя мы узнаем о его местонахождении: «Мы идем по лесистым холмам, бредем по их крутым склонам, спускаемся в распадки, долины и снова карабкаемся вверх. В низинах и на горбах холмов – везде камни, валуны и мелкий окатыш под ногами. Крапчато-бурые или серые с буроватым отливом и с прожилками – гранит. Чужая земля. Хотя говорят, что она наша – Карельский перешеек, что мы ее освобождаем. Но для меня, родившегося в березовых отрогах далекого Уральского хребта, она все равно чужая» [9, с. 57]. Также Толя говорит про себя, что «я уже вторую неделю в боях, а все еще жив и не покалечен» [9, с. 57].

В вышеупомянутой повести Толя знакомит читателя со своим новым взводом: с сержантом Соповым, земляком Лапиным, помкомвзвода Каралуловым, узбеком Файзуллаевым, рыжим Кирюхиным, стариком Портновым, расхлябанным Скребокковым, украинцами. Главный герой рассказывает нам о своих товарищах по оружию, чередуя портретные зарисовки со своими впечатлениями: «Мне в нашем взводе больше всех нравится старик Портнов. По возрасту мы годимся ему в сыновья. Он мало говорит, только поглядывает на нас, молодняк, грустно и снисходительно. У него, наверное, дома семья, ребятишки, может, старший тоже воюет и мы, наверное, напоминаем ему его сыновей, о которых он думает постоянно. Он – пулеметчик. Вторым номером у него украинец Иванюк, рослый и, видно, сильный хлопец с приятным чернобровым лицом» [8, с. 50].

Повесть «Вот кончится война» начинается с детальной зарисовки: «Теперь, в начале сорок пятого, земля родная, освобожденная от фашистских нелюдей, очищенная от их мерзостного духа, уже лежала далеко за восточным горизонтом, и мы, наш фронт, наша армия, наши дивизии и полки, уже почти вплотную подошли к границам Германии» [7, с. 111], далее указывается конкретное местоположение взвода, в который попадает герой Толя: «Теперь в общих чертах о положении на фронтах, –

комсорг вынул из планшетки бумагу и развернул – оказалось, карта, вернее, схема, нарисованная от руки. – Это вот Балтийское море, вот Польша, вот границы Германии, вот и сам Берлин. А это, обведено красным карандашом, Восточная Пруссия. Видите, она вытянута, как кулак в сторону Советского Союза и нависает над Польшей. Вот он, Кенигсберг, город-крепость на самом берегу Балтийского моря. Вот Алленштайн. А мы находимся вот здесь, севернее. Красными стрелками обозначены действия наших войск. Вот наш 2-й Белорусский фронт. 3-й Белорусский наступает на Кенигсберг. А на Берлин нацелены войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. После захвата Алленштейна в прорыв вошла 5-я танковая армия и стремительным броском вышла к Балтийскому морю. Вот сюда. Теперь вся восточнопрусская группировка немцев отрезана от их главных сил. А нам остается только добить, уничтожить эту группировку и занять Кенигсберг ...» [7, с. 159]. Далее мы читаем: «За Одером начиналась другая Германия ... За Одером начиналась Германия Белых флагов ...» [7, с. 212]. В финале повести узнаем, что «... всех, ребят, погибших в последних боях на подступах к Эльбе, перехоронили в городе Виттенберге, в братской могиле» [7, с. 270], среди них был и Сергей Петрович Баулин, товарищ Толя.

В цикле военных повестей Анатолия Генатулина множество мелких зарисовок и небольших очерков о людях, с которыми столкнулся главный герой Толя.

В повести «Атака» Толя рассказывает о судьбе своего батальона, выделяя из общей массы отдельных людей: лейтенанта Красильникова, комсорга Петухова, санитарку Нину, младшего сержанта Сигачева, повара Измайлова, почтальона Рымаря, замполита Ильина, старшего лейтенанта Онучкина, Лукина, любимца и баловня взвода Овчинникова, учителя Сайфуллина. Один из запомнившихся Толе, – комбат капитан Романенков: «Наш комбат капитан Романенков и по званию, и по возрасту – ему было за тридцать – стоял настолько выше меня, рядового солдата, почти мальчишки, что казался человеком необыкновенным и непостижимым. Да и вообще человек, командующий в бою сотнями людей, награжденный орденами (орден Отечественной войны, орден Красной Звезды), в моих глазах уже был героем. Хотя внешностью он не только не походил на героя, но и был озадачивающее непригляден, неказист: костляв, с длинной спиной и сутулыми узкими плечами...» [7, с. 21]. Портретная зарисовка этого персонажа лишней раз доказывает, что героем становится не тот, чья внешность сразу бросается в глаза, например, богатырским телосложением, а тот, чьи именно духовные качества отвечают таким понятиям, как храбрость и мужество.

Иногда война заставляет и сурового с виду человека проявить свои слабые стороны, как это произошло с сержантом Харчиковым, которого Толя

после истории с комсоставской шинелью считал вредным и питал к нему тайную неприязнь. Но после минутной встречи со своей семьей сержант не смог сдержать слез: «И тут Харчиков заплакал. Плакал, не стесняясь, не скрывая слез, размазывая их ладонью по худому лицу. Я, впервые, может быть, видел, как плачет взрослый мужчина... Я знал, что во хмелю мужики иногда плачут, но чтобы сержант Харчиков... Тогда я все, все простил ему ...» [7, с. 46]. Внешность обманчива: ведь иногда человек не волен проявлять слабость ввиду своего положения, но бывают такие ситуации, когда уже невозможно сохранить хладнокровие. Но это отнюдь не говорит о слабости Харчикова, скорее наоборот, это говорит о его человечности, о его безмерной любви к своей жене и детям.

В повести «Атака» интересен образ лейтенанта Красильникова: «Наш взводный лейтенант Красильников, весь новенький в своей темно-зеленой гимнастерке, в синих диагональных брюках, в фуражке, в ремнях, с биноклем на груди, наш лейтенант держался молодцом: на румяном лице горделиво – спокойная улыбка, немного даже презрительная улыбка уже обстрелянного боевого офицера, которому сам черт не брат» [7, с. 46]. Когда со стороны противника полоснуло пулеметной очередью, Красильников «только присел, как будто боялся помять, испачкать новенькое обмундирование» [7, с. 47]. Может быть, Анатолий Генатулин не зря выбрал такую фамилию для этого персонажа: ведь фамилия Красильников созвучна со словом «красоваться», а именно это и делает молоденький лейтенант, выставляя напоказ свою храбрость, за что и поплатится жизнью. Главный герой толя понимает, что Красильников подвергает себя большой опасности, так как маячит на виду у противника, «но он [Красильников] был старше, образованнее, умнее ... и, наверное, знал, что делать, как вести себя ...» [7, с. 47].

Авторы произведений «лейтенантской прозы», как и драматурги эпохи классицизма, тоже нередко обращаются к символике имен. Большинство их произведений написано в жанре повести, а повесть – сжатое произведение, поэтому предполагает концентрированное отношение автора к персонажам. В этом контексте поэтика имен играет роль в раскрытии смысла не только всего произведения в целом, но и авторской позиции в частности. Например, В. Быков не зря дал своему главному герою из повести «Дожить до рассвета» такую всенародно известную фамилию, как Ивановский, так как писатель уверен, что мучительная смерть таких Ивановских и привела к победе в этой войне. К. Воробьев в своем произведении «Убиты под Москвой» сам же говорит нам о капитане Рюмине: «... прямой, высокий и в талии как рюмка» [6, с. 85]. Рюмин всегда был «... застегнут и затянут так, словно никогда не раздевался» [6, с. 89]. Алексей Ястребов из этой же повести наделен такой фамилией тоже не

случайно, он так же, как и эта гордая птица, не показывает своего страха перед курсантами и также отважно ведет себя в бою. Б. Васильев в своей повести «В списках не значился» использует такие «говорящие» фамилии, как Волков, Небогатов, Сальников и другие. Само имя главного героя образовано от сочетания двух слов: «nike» – победа, «laos» – народ, т.к. в лице главного героя писатель показывает облик русского народа – победителя, ведь не зря Плужников не говорит своего имени и фамилии немцам, а отвечает: «Я русский солдат!». Лейтенант Травкин из повести Э. Казакевича «Звезда» наделен такой «природной» фамилией, потому что разведчик во время углубления в тыл врага как бы растворяется в окружающей среде: «Надев маскировочный халат, крепко завязав все шнурки – у щиколоток, на животе, под подбородком и на затылке, разведчик отрешается от житейской суеты, от великого и от малого ... Он не имеет имени, как лесная птица. Он вполне мог бы отказаться и от членораздельной речи, ограничившись птичьим свистом для подачи сигналов товарищам. Он срастается с полями, лесами, оврагами, становится духом этих пространств – духом опасным, подстерегающим, в глубине своего мозга вынашивающим одну мысль: свою задачу» [10, с. 54]. В повести В. Кондратьева «Сашка» у главного героя нет ни фамилии, ни отчества, ни звания – зовут его просто Сашкой, но даже это очень распространенное имя символично: мы одержали победу благодаря мужеству вот таких вот Сашек, Жорек и Володек.

В повести Анатолия Генатулина «Страх» «говорящей» фамилией наделен старший сержант Караулов, с которым Толя знакомит нас в начале повести: «Он долговязый, сутуловатый, у него большой костистый нос с широкими ноздрями, на верхней губе топорщится рыжая щетина. Из-под нависающих выгоревших бровей цепко поглядывают маленькие синие глаза. Ему, видно, лет двадцать с хвостиком. Он мне сразу же не понравился, разговаривает так, как будто ненавидит или презирает тебя. Я спросил у него: «Товарищ старший сержант, сколько дней мы будем отдыхать?». Он взглянул на меня как на дурака и процедил: «Отдыхать будешь на том свете!» [8, с. 47]. Далее мы видим, как старший сержант Караулов оставляет на произвол судьбы обезумевшего от страха Скребкова:

«– А-а, тебе его жалко! – старший сержант казнит Сопова глазами. – А мне его не жалко! У меня тоже дома мать, мы тоже жить хотим, но мы на фронте, мы солдаты, присягу приняли, должны бить фрица и погибать, если надо! – он какое-то время молчит и вдруг, махнув рукой на Скребкова, говорит упавшим голосом, как-то уже не покомандирски: – А ну его! Пусть остается, все равно толку от него не будет» [8, с. 65]. Толя считает его жестоким, но высказывает мысль, что «может, так и надо в бою» [9, с. 60]. После ранения Караулова и его ухода в санчасть Толя думает: «Раньше я смот-

рел на себя как бы глазами старшего сержанта Караулова и силился казаться в его глазах храбрецом. Теперь он ушел. Кто теперь мой командир? Сержант Сопов, что ли? Пусть он, но перед ним я не стану корчить из себя героя, потому как вижу: Сопов сам психует. Держаться героем для новичков? Зачем? Я же не командир, чтобы быть примером. Словом, я сжался, съезжился и больше не пытался скрывать, что трушу» [8, с. 60].

Также наделен «говорящей» фамилией сильный, запоминающийся образ – сержант Баулин из повести Анатолия Генатулина «Вот кончится война». Для Толи Баулин не только «первый номер», но и старший товарищ, близкий человек в этом новом полку: «Конечно, пока что самым близким человеком для меня был сержант Баулин, ручной пулеметчик, и нас как будто уже связывал не только ручной пулемет – он первый номер, я второй, – но как бы и братское расположение друг к другу; у него, как к младшему, несколько покровительственное, а я видел в нем старшего и уже любил его. Он был рослый, худой, поджарый. И подтянутый, очень аккуратный. У него было хорошее лицо, чуть смуглое, по-мужски красивое, правильное, совсем не деревенское, хотя он был мужик деревенский, откуда-то с Брянщины. Лицо его с первого взгляда казалось суровым, суровость эту придавали ему ранние сладки на щеках, морщины. Но на лице этом постоянно теплилась какая-то женственная, что ли, *доброта*, серые глаза его смотрели просто и печально, а мягкие губы держали простодушную или, может, виноватую улыбку. Говорил мало, никогда не повышал голоса и не матерился и на зов «Баулин!» всегда отвечал коротким и как будто радостным «Ай?» ...» [7, с. 141]. Уже только портретная зарисовка этого человека может нам сказать о многом, например, о такой черте его характера как доброжелательность, ведь Баулин по-отцовски заботливо относится к своему «второму номеру», Толе Гайнуллину. Потом мы узнаем его ближе, и нам открывается благороднейшая личность, глубокая, недюжинная натура. Баулин рассказал Толе о том, что мучает его вот уже долгое время: «Мать у меня умерла в оккупации, а жену с ребенком немцы угнали ... Если жива, должна быть где-то здесь, в Германии. Ишачила на какого-нибудь Бауэра ... Буду искать ... Хотя не знаю, не знаю, надеяться особенно не приходится ...» [7, с. 142]. И, после этого разговора, «... если и не все, то уж главное в его жизни и большое его горе и сокровенную надежду ...» [7, с. 142] Толя понял.

Фамилия Баулин, как нам кажется, имеет прямую связь со словом «баул», означающее «продолговатый дорожный сундучок» [16, с. 28]. Всю войну этот герой нес на плечах тяжелое бремя – боль и одновременно надежду на то, что он найдет своих жену и ребенка, которых в плен угнали немцы. Узнав, что ребенок его погиб, а жена нашла себе другого мужчину, он не выдерживает свалившейся

на него беды и ... погибает, т.к. такой «сундучок горя» ему, прошедшему ад войны и видевшему смерть товарищей, уже не по силам.

Баулин, кажется, искал и нашел свою смерть ... в спасении Толи, который после его гибели думает: «... Зачем он побежал? Ведь я меньше ростом, легче, я пробежал бы быстрее и, наверное, остался бы жив. Может, после встречи с Зиной ему было все равно – что жить, что умереть, может, после того боя на шоссе, где он побоялся стрелять, за что лишили его ордена, ему хотелось как-то искупить, что ли свою вину, как-то доказать, что он не трус, ведь теперь, после встречи с женой, он не боялся за свою жизнь. Или, может, он боялся за меня, хотел, чтобы я, мальчишка, остался жив, и заслонил меня собой ... Ведь он всегда говорил, что я хороший парень и, наверное, любил меня ...» [7, с. 265–266].

Герои цикла военных повестей Анатолия Генатулина – люди разные, но их связывает идейное и моральное единство, дружба, чувство патриотического долга, сознательное самоотвержение в борьбе. В финале повести «Вот кончится война» Толя так говорит о людях, с которыми прошел войну: «Мы, наш взвод, старший лейтенант Ковригин, бывший учитель, ... старший сержант Морозов с характером невоенного человека; старики Решетилов и Федосеев, колхозники; одессит, директор универмага Голубицкий ...; паренек из рабочего поселка Андреев; Худяков, наголодавшийся за войну так, что никак не мог избавиться от страха голода; Евстигнеев, уральский пимокат; Музафаров, колхозный конюх; деревенский хлопек Сало и побывавший в немецком рабстве Воловик; Ковальчук, молчаливый, необщительный хлопчик из Западной Украины, захвативший только конец войны и еще не успевший стать настоящим солдатом; переживший ад плена, тихий, как бы пришибленный Сомов; и я, паренек из Башкирии, мечтавший стать художником, – все мы были людьми самыми обыкновенными, очень разными и родились на свет, наверное, вовсе не для войны и смерти от пули. Мы

не были ни рубками, ни героями, мы просто были солдатами. На нас, на нашу страну, напали фашисты, на наш дом напали бандиты, убийцы, грабители, а дома у нас были наши матери, сестры, жены, дети, старики; что оставалось нам, молодым мужикам, парням и мальчишкам? Защищаться, защищать Россию, дом свой, матерей, сестер, жен, детей, стариков. И драться. И мы дрались. Насмерть. Мы выгнали бандитов из нашего дома, погнались за ними и добились убийц и грабителей в их собственном же гнезде» [7, с. 273].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланов Г. Я. Навеки – девятнадцатилетние: Повесть. М.: Дет. лит., 1986. 175 с.
2. Богомолов В. О. Иван. Зоя: Повести. М.: Современник, 1985. 77 с.
3. Бочаров А. Г. Человек и война. М.: Советский писатель, 1973.
4. Быков В. В. Повести. М.: Советский писатель, 1986. 592 с.
5. Васильев Б. Л. В списках не значился: Роман. Переизд. М.: Дет. лит., 1986. 223 с.
6. Воробьев К. Д. Убиты под Москвой. Крик. Это мы, Господи ...: Повести. М.: Терра – Книжный клуб, 2005. 288 с.
7. Генатулин А. Ю. Вот кончится война: Повести и рассказы. М.: Правда, 1988. 464 с.
8. Гиниятуллин Т. Страх: Повесть // Ватандаш. 2000. №6. С. 49–64.
9. Гиниятуллин Т. Страх: Повесть // Ватандаш. 2000. №5. С. 44–65.
10. Казакевич Э. Г. Звезда: Повесть. Мурманск: Кн. изд., 1971. 96 с.
11. Кондратьев В. Л. Повести. М.: Худ. лит., 1991. 478 с.
12. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Институт науч. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
13. Москвичева Г. В. Русский классицизм: учеб. пособие для студ. пед. инст-ов по спец. 2101 «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1986. 191 с.
14. Москвичева Г. В. Русский классицизм: учеб. пособие для студ. пед. инст-ов по спец. 2101 «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1978. 128 с.
15. Некрасов В. П. В окопах Сталинграда. М.: Панорама, 2000. 512 с.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательский Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2007. 640 с.

Поступила в редакцию 29.02.2016 г.

REFLECTION OF THE PRINCIPLES OF RUSSIAN CLASSICISM DRAMATURGY IN “LIEUTENANTS’ PROSE”

© L. M. Mingazheva

*M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
3a Oktyabrskoi revolyutsii St., 450025 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Email: liliya02071984@mail.ru

Man at war is a constant theme of most writers that have being at war. Talha Giniyatullin, Yuri Bondarev, Yevgeny Nosov, Vyacheslav Kondratyev, V. Astafev, B. Vasilev and others created works about the war, ordinary soldiers and commanders who have achieved this victory. The works of these writers belong to the so-called “lieutenants’ prose”, which closely examines a person confronted with the harsh realities of war and managed to oppose them because of their courage and fortitude. The works of “lieutenants’ prose” combines similar heroes the young people caught up in the war almost immediately after school, perceiving and evaluating reality of front-line with the share of youth maximalism. The hypothesis of this study: the main features of the “lieutenants’ prose” are limited time, place, action, and the number of actors that is similar to the principles of Russian classicism drama. We reviewed the works of “lieutenants’ prose”, including military novels by Anatoly Genatulin “Attack”, “Fear”, “The two weeks”, “When the war ends” from the point of view of maximum concentration of action and the rule of “the three unities”. The aim of the article is to analyze works of “lieutenants’ prose”, including the cycle of military novels by Anatoly Genatulin in terms of features of the poetics of these stories as the works written by the principles of Russian classicism dramaturgy.

Keywords: *Anatoly Genatulin, Talha Giniyatullin, lieutenants’ prose, principles of classicism.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Baklanov G. Ya. Naveki – devyatnadsatiletnie: Povesť [Forever nineteen: Novel]. Moscow: Det. lit., 1986.
2. Bogomolov V. O. Ivan. Zosya: Povesť [Ivan. Zosya: Novels]. Moscow: Sovremennik, 1985.
3. Bocharov A. G. Chelovek i voina [Man and war]. Moscow: Sovet-skii pisatel', 1973.
4. Bykov V. V. Povesť [Novels]. Moscow: Sovet-skii pisatel', 1986.
5. Vasil'ev B. L. V spiskakh ne znachilsya: Roman [Not on the active list: Novel]. Pereizd. Moscow: Det. lit, 1986.
6. Vorob'ev K. D. Ubity pod Moskvoi. Krik. Eto my, Gospodi ...: Povesť [Slain under Moscow, The scream, Here we are, my Lord!... Novels]. Moscow: Terra – Knizhnyi klub, 2005.
7. Genatulin A. Yu. Vot konchit-sya voina: Povesť i rasskazy [When the war ends: Novels and stories]. Moscow: Pravda, 1988.
8. Giniyatullin T. Strakh: Povesť. Vatandash. 2000. No. 6. Pp. 49–64.
9. Giniyatullin T. Strakh: Povesť. Vatandash. 2000. No. 5. Pp. 44–65.
10. Kazakevich E. G. Zvezda: Povesť [Star: A story]. Murmansk: Kn. izd., 1971.
11. Kondrat'ev V. L. Povesť [Novels]. Moscow: Khud. lit, 1991.
12. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Ed. A. N. Nikolyukina. Institut nauchn. informatsii po obshchestvennym naukam RAN. Moscow: NPK «Intelvak», 2001. 1600 stb.
13. Moskvicheva G. V. Russkii klassitsizm: ucheb. posobie dlya stud. ped. inst-ov po spets. 2101 «Russkii yazyk i literatura» [Russian classicism: textbook for students of pedagogical universities studying on specialty 2101 “Russian language and literature”]. Moscow: Prosveshchenie, 1986.
14. Moskvicheva G. V. Russkii klassitsizm: ucheb. posobie dlya stud. ped. inst-ov po spets. 2101 «Russkii yazyk i literatura» [Russian classicism: textbook for students of pedagogical universities studying on specialty 2101 “Russian language and literature”]. Moscow: Prosveshchenie, 1978.
15. Nekrasov V. P. V okopakh Stalingrada [In the trenches of Stalingrad]. Moscow: Panorama, 2000.
16. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language] / pod obshch. red. prof. L. I. Skvortsova. 24 ed., ispr. Moscow: OOO «Izdatel'skii Oniks»: OOO «Izdatel'stvo «Mir i obrazovanie», 2007.

Received 29.02.2016.